

Title	Д м и т р и й М а т в е е в и ч П о з д н е е в (1865–1937) к а к я п о н о в е д (1). И з у ч е н и е в о п р о с о в я п о н с к о г о с т р а н о в е д е н и я и р о с с и й с к о - я п о н с к и х о т н о ш е н и й
Author(s)	А . С , Д ы б о в с к и й ; Ю . Д , М и х а й л о в а
Citation	言語文化研究. 2017, 43, p. 207-233
Version Type	VoR
URL	https://doi.org/10.18910/61286
rights	
Note	

The University of Osaka Institutional Knowledge Archive : OUKA

<https://ir.library.osaka-u.ac.jp/>

The University of Osaka

Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937) как японовед (1). Изучение вопросов японского страноведения и российско-японских отношений

А. С. Дыбовский

Ю. Д. Михайлова

日本学者としての D. M. ポズドネエフ(その1) 日本学及び露日関係研究

A. ディボフスキー

Yu. ミハイロワ

ロシアの実践的日本学の創始者の一人である D. ポズドネエフは、日本学的研究を始めたのは、1890年代の半ばのことである。当時、日清戦争のため日本は、ヨーロッパのマスコミの注目の的となり、D. ポズドネエフは、日本に関する資料を収集し始め、1896年、日本に係わる最初の著作『西欧の文献における日本の現在と将来』が世に現れた。その後、1906、1909、1911、1924、1925年、日本学及び日露関係に関する著作は次々と刊行された。本稿では、上記の作品の内容を分析し、日本研究者としての D. ポズドネエフの功績を明らかにしようとしている。

キーワード：D. ポズドネエフ、ロシアの日本学、実践的日本学、日ロ関係研究

В последние годы появилось немало публикаций, посвященных жизни и творчеству видного российского востоковеда Дмитрия Матвеевича Позднеева. Так, В. М. Алпатов, анализируя вклад Д. М. Позднеева в изучение японского языка, называет его «самым крупным из петербургских японистов начала века» [2, с. 25]¹. К 125-летию российского востоковеда две статьи о трагедии семьи Позднеевых в годы сталинских репрессий опубликовала внучка востоковеда Н. Г. Кабанова [9; 10]. Краткий обзор жизни и творчества Д. М. Позднеева дала в своей статье Н. Ф. Лещенко [14]. Неоднократно обращался к вопросам жизни и деятельности Д. М. Позднеева А. Н. Хохлов [36; 37; 38; 39]. Он ввел в научный оборот большое количество архивных документов, описал труды Д. М. Позднеева в связи с историей Восточного института [37]². Сотрудничеству Д. М.

1 Указывая на практическую направленность всех публикаций Д. М. Позднеева [2, с. 26], наиболее значительным вкладом Д. М. Позднеева в развитие отечественной японоведческой лингвистики В. М. Алпатов считает создание Д. М. Позднеевым японо-русского иероглифического словаря, содержащего «подробные и добросовестно изложенные сведения о японской письменности» [2, с. 29].

2 Сомнительным представляется, правда, заключительный тезис одной из статей А. Н. Хохлова [36] о том, что «вынужденный уход Д. М. Позднеева из Восточного института не мог не сказаться на последующей деятельности этого востоковедного центра, заметно утратившего инициативу в осуществлении научных исследований и в подготовке специалистов научно-практического профиля» [36, с. 235–236]. Урон Восточному институту нанесла скорее сама деятельность Д. М. Позднеева на посту директора, обусловившая его «вынужденный уход» [4, с. 22–28].

Позднеева с разведывательными органами царской России и СССР посвятили свои публикации В. Н. Усов [33] и Я. А. Шулатов [40]; детальное жизнеописание российского востоковеда с обзором основных его работ и красноречивыми выдержками из них представила в большой статье К. Г. Маранджян [15]. Учебная литература по японскому языку, а также публицистическая деятельность Д. М. Позднеева в Японии в 1906–1910 гг. была кратко проанализирована Ю. Д. Михайловой [16]; роль Д. М. Позднеева в эвакуации Восточного института в Верхнеудинск во время русско-японской войны (1904–1905) описана в статье О. П. Еланцевой и О. А. Трубич [4]; особенности полемики Е. Г. Спальвина и Д. М. Позднеева по поводу «Японской исторической хрестоматии» на фоне личных отношений двух корифеев российского японоведения были рассмотрены в совместной публикации А. С. Дыбовского и О. П. Еланцевой [3]. Детальный анализ структуры и содержания «Японо-русского словаря» Д. М. Позднеева [27] был дан в работе Т. Ясумото³ [49]. В большинстве этих публикаций общим местом является признание серьезной роли Д. М. Позднеева в создании российского японоведения, а также трагическая судьба ученого и его семьи в годы сталинских репрессий. Однако, с нашей точки зрения, в них еще недостаточно представлено содержание главных публикаций Д. М. Позднеева, которое и будет предметом анализа в данной статье. Основная цель статьи состоит в том, чтобы дать краткое описание основных японоведческих работ Д. М. Позднеева, посвященных японскому страноведению и российско-японским отношениям⁴.

1. Д. М. Позднеев и японское страноведение

К японскому страноведению Д. М. Позднеев, по-видимому, впервые обратился во время своей заграничной командировки (1893–1894) в Лондон, Париж и Берлин, которая была им предпринята после зачисления на кафедру истории Востока «для ознакомления с библиотеками и приготовления к профессорскому званию» [36, с. 1]. Таким образом происходила подготовка к Д. М. Позднеева к магистерскому экзамену⁵ и чтению лекций по истории Китая. Уже в октябре 1894 года была опубликована статья «Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже» [17]. В связи с политикой Цинской империи в Корее Д. М. Позднеев не мог не обратить внимания на быстро усиливающую соперницу Китая – Японию. И в 1896 г. была опубликована его первая японовед-

3 Японские имена собственные (за исключением представленных в цитатах) даются в поливановской транскрипции. Длительность гласных в русском тексте игнорируется.

4 Из-за ограниченности печатного пространства мы не касаемся здесь вклада Д. М. Позднеева в изучение и преподавание японского языка, а также его публицистических работ.

5 Для занятия должности приват-доцента достаточно было сдать магистерский экзамен и прочитать на закрытом заседании две пробные лекции перед «профессорскими коллегиями» (одна по теме, определенной факультетом, а вторая – по выбору самого лектора) [8].

ческая работа – «Настоящее и будущее Японии по взглядам европейской литературы» [22]. В этой небольшой брошюре Д. М. Позднеев ставит перед собой задачу «остановиться ...на существующих в европейской литературе взглядах на экономическое положение и будущность Японии»⁶ и, анализируя разнообразные сведения о японской экономике, размышляет о возможностях торговых отношений между Россией и Японией. Он начинает с тезиса о том, что «Япония принадлежит к числу стран, самых малоизвестных русскому обществу», которая до японо-китайского столкновения «характеризовалась как полудикая или полукультурная страна, население которой стремится усвоить себе внешнюю сторону европейской цивилизации...» [22, с. 1]. Поэтому «в представлениях о японцах элемент комического играл у нас еще недавно весьма существенную роль», однако с началом японо-китайской войны «тон отзывов о Японии быстро переменялся» [22, с. 1] и стал «переходить в серьезный или тревожный, но уже в строго враждебный» [22, с. 2], а по окончании японо-китайской войны (1894–1895) появился общественный запрос на изучение «условий жизни и быта нашей восточной соседки с целью установления и выработки определенного взгляда на экономическое положение, торговлю, промышленность и будущность Японии» [22, с. 2]. Ответу на этот общественный запрос и посвящает свою публикацию Д. М. Позднеев. Европейских японоведов по их взглядам на перспективы экономического развития Японии он делит на две группы: «Отрицательная школа», концентрирующая свое внимание на кризисных явлениях и негативных сторонах японской экономики, и «Положительная школа», то есть «школа, исповедующая оптимистические взгляды на экономическое положение Японии» и усматривающая большие успехи в развитии японской экономики [22, с. 2, 20]. Соглашаясь в общем со второй точкой зрения, Д. М. Позднеев заключает, что «в течение следующей четверти века Япония станет величайшей в торгово-промышленном отношении державой Азии», хотя перед ней лежит еще несомненно период внутреннего брожения, вызываемого попыткой прививать чисто демократические начала к стеблю, из которого еще не вышел феодальный сок...» [22, с. 20]. И, «поскольку столь разноречивая оценка экономического положения Японии дает ...основание заподозрить и положительную, и отрицательную школу в односторонности», Д. М. Позднеев предпринимает попытку объективно исследовать статистические данные о торговле и промышленности Японии. В результате анализа множества статистических сведений Д. М. Позднеев приходит к выводу о том, «что в возрождающейся и прогрессирующей Стране восходящего солнца ...мы должны признать опасного конкурента, коммерческое значение которого возрастает год от года, а удобное географическое положение ...дает ему во многом преимущество перед малонаселенными и девственными странами нашего Тихоокеанского побережья» [22, с. 51]. К брошюре прилагались

6 Цитаты из произведений Д. М. Позднеева даются в современной графике и пунктуации.

«Обзор внешней торговли Японии за 1894 год» [22, с. 53–69] и статистическая справка «Торговля между Россией и Японией» [22, с. 70–72]. Как видим, уже в этой ранней работе Д. М. Позднеев проявил себя как умелый собиратель, аналитик и интерпретатор статистической информации, способный преодолевать существующие общественные стереотипы.

Следующая работа Д. М. Позднеева, посвященная японскому страноведению, была опубликована в 1906 г. во время его пребывания в Японии (1905–1910 гг.). Она называлась «Япония. Географически-статистический очерк» [41]. Во «Введении» автор писал, что книга предназначена «главным образом для тех лиц, которые начинают изучение Японии не по одним только европейским источникам, но и по японским» [41, с. V]. По этой причине имена собственные, которые в тексте передаются при помощи разработанной Д. М. Позднеевым практической транскрипции в кириллице, дублируются также и иероглифами. Некоторые ключевые слова текста выносятся на поля, японские названия в них также даются в иероглифической графике. Во введении указывается, что географические и статистические сведения, представленные в книге, основываются на официальном издании японского министерства земледелия и торговли (*Japan in the beginning of the twentieth century*), составленном для Луизианской выставки 1904 г. [41, с. V] с привлечением ряда других англоязычных источников. В качестве источников на японском языке без выходных данных указываются «Японская историческая хрестоматия» (『日本歴史讀本』), сборник «Море истории» (『史海』), а также работа Фукудзава Юкити (福澤諭吉), отражающая его «взгляд на отношения северного и южного дворов» [41, с. VI]⁷. Нужно сказать, что заглавие не вполне точно отражает содержание книги. Географический очерк («География») с разделами «Положение страны», «Пространство и административное деление», «Географическое устройство страны», «Геологическое построение Японии», «Климат Японии» ограничивается только первой главой и заканчивается на 56-й странице книги. Во второй главе «Население Японии» дается обзор различных аспектов демографии Японии, начиная с вопроса о происхождении японского народа и кончая вопросами статистики браков, разводов, рождений, смертей, эмиграции, иммиграции и проч. В последней, третьей главе «Административная система» рассматривается система законодательной, исполнительной и судебной власти Японии, включая права японского императора и историю формирования сложившейся к началу XX века административной системы Японии. В последнем разделе третьей главы «Политические партии в Японии» дается очерк истории формирования политических партий после «реставрации Мэйдзи» (1868). Третья глава и вся книга заканчиваются статистической выкладкой о результатах выборов в Палату представителей Японии в 1906 г. [41, с. 140].

⁷ Другие работы на японском языке представлены в примечаниях к тексту, например, [41, с. 72–74].

Необходимо заметить, что в этой работе Д. М. Позднеев недостаточно критически относится к пропагандистским материалам вышеупомянутого первоисточника *Japan in the beginning of the twentieth century*, допуская целый ряд сомнительных сентенций. Например: 1) «Благодаря особенностям географического строя и положения Япония представляет собой государство, во многих отношениях отличающееся от прилегающих стран Азии. Самой выдающейся из этих отличительных черт является та, что Япония более 2550 лет управляется одной и той же императорской фамилией⁸, без малейшего перерыва в преемстве, представляя собой таким образом полную противоположность Китаю и Корее, где были часты смены династий» [41, с. 5]; 2) «Япония не всегда занимала такую территорию. Когда в 1854⁹ г. commodор Перри бросил якорь в Урага 浦賀, Японская империя охватывала значительно меньшее протяжение по цепи островов, нежели теперь. ...Расширение ее следовало общему мировому закону географического сближения... империя двигалась на юг» [41, с. 1–2].

Включающий в себя переводные фрагменты чужих сочинений текст книги недостаточно доработан стилистически. Имеется немало случаев отклонений от узуса русской письменной речи, например: 1) «Связанный железными дорогами с провинциями округой кинай и Хоккайдо, он (залив Цуруга – авторы) представляет собою цветущий собирательный и распределительный пункт товаров, приходящих с северного моря» [41, с. 33]; 2) «Внутренность Сахалина чрезвычайно гориста. В нем тянутся с севера на юг три параллельные хребта, высотой в 2000–5000 футов, богатые пиками» [41, с. 38]; 3) «Много несчастных землетрясений записаны также в VIII и IX веках с разрывами и расселинами гор, пересыханием рек, обращением в развалины замков...» [41, с. 39]; 4) «Величественный Фудзи, вершины которого тихо покоятся и смотрят вниз на меньшие пики 13 провинций, как уже сказано, обязан своею срезанною сверху формою вулканической деятельности...» [41, с. 43]. Имеются и досадные опечатки, например: 1) «Сравнивая пространство Японии с другими странами, мы находим, что она равняется 1/30 русской Сибири, 1/26 Китая, 1/13 Кореи...» (? – авторы; [41, с. 8]); 2) «Статистика населения при Токугава 徳川 (1607¹⁰–1867)» [41, с. 77] и проч.

Таким образом, «Географически-статистический очерк» Д. М. Позднеева представляет собой компилятивную работу, из которой можно узнать множество подробностей о Японии первого десятилетия XX века; текст книги изобилует погрешностями, однако сильной стороной Д. М. Позднеева по-прежнему являются умелое оперирование большим массивом фактологической информации, а также подборка и систематизация статистических данных, в обилии представленных в книге.

Следующей страноведческой работой Д. М. Позднеева стала «Япония. Общий очерк страны. Лекции, читанные на 1-ом курсе Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в 1911-м году» [24]. Книга представляет собой размноженный литографическим

⁸ Здесь и далее выделено нами.

⁹ Здесь имеет место ошибка: Перри прибыл в Японию в июле 1853 года.

¹⁰ Как известно, эпоха правления Токугава Иэясу начинается с 1603 года.

способом машинописный текст, который, включая японские слова и фразы, почти полностью представлен в кириллице. Он состоит из 10-ти разделов («Общий очерк Японии», «Краткий очерк истории Японии», «Новая история», «Политическая организация Японии», «Местное самоуправление», «Промышленная Япония», «Путешествие, транспортировка, торговля», «Народ, жилище, пища и платье», «Нравы и обычаи», «Религия Японии»), каждый из которых состоит из озаглавленных тематических блоков и заканчивается напечатанной латиницей или вписанной от руки библиографией, преимущественно на английском языке. Оглавление отсутствует, литература на японском языке не используется. В книге дается сжатое описание Японии первого десятилетия XX века как страны и ее народа по наиболее важным параметрам. Причем, основывающееся на множестве источников описание сопровождается яркими личными впечатлениями и оригинальными суждениями. Например: 1) «Таким образом, смотря на дело объективно, нельзя не признать работу конституционной Японии удовлетворительною. Было бы наивно видеть ее идеалом с самого первого шага. Костюм конституционализма слишком широк для страны, бывшей всего несколько лет назад феодальною, но страна вырастет до этого костюма, хотя процесс роста и будет, может быть, по временам смещен» [24, с. 66]; 2) «Табак принесен в Японию португальцами, но вначале его употребление строго воспрещалось. Курение табаку, однако, быстро распространилось, и в настоящее время оно является повсеместным обычаем, причем курят не только мужчины, но и женщины. Совершенно лилипутские размеры трубки показывают, что количество выкуриваемого всякий раз табаку очень незначительно, но курят точно так же, как и пьют чай в Японии, постоянно» [24, с. 88]; 3) «Лавочник сидит на пятках на полу и спокойно покуривает трубочку или обмахивает себя веером, или зимой греет руки на хибаци (жаровня). Он приветствует вас глубоким поклоном и самыми почтительными словами, но не делает никакой попытки к самой продаже или даже к тому, чтобы показать вам товары. Он невозмутимо равнодушен к тому, купите ли вы у него или нет. И то и другое для него ладно. Он вежливо покажет вам все, что вы хотите видеть и, если даже после того, как вы причинили ему много беспокойства, ...вы не купите ничего или только незначительный и дешевый предмет, он отошлет вас с глубоким поклоном и такими вежливыми выражениями, как если бы вы купили всю лавку» [24, с. 94–95]; 4) «Придет время, когда Япония будет конкурировать с действующими ныне на мировом рынке державами во всех отраслях мануфактуры и промышленности, но это время еще далеко» [24, с. 116]; 5) «Не индивидуум, а семья была раньше общественной единицей в Японии, и об этом нужно помнить всегда, когда вопрос касается обсуждения дореформенного строя этой страны» [24, с. 128]. Фактически книга представляет собой конспект курса введения в японоведение для людей, начинающих изучение японского языка. Д. М. Позднеев в полной мере проявил себя в этой книге как профессиональный аналитик и знаток Японии.

Следующая весьма важная работа по японскому страноведению была опубликована в 1924 году, когда Дмитрий Матвеевич работал в Москве в Военной академии РККА. Это «Япония. Военно-экономическое описание» [23], которое было издано Разведовательным управлением

Штаба РККА, как говорится в предисловии редакции, для «военных и политических работников, соприкасающихся с Дальним Востоком». Книга состоит из 11 глав («Географический очерк», «Исторический очерк Японии», «Население», «Административное деление», «Сельское хозяйство», «Горнозаводская промышленность», «Обрабатывающая промышленность», «Пути сообщения и средства связи», «Торговля», «Финансы», «Землетрясение 1 сентября 1923 года и его последствия») и представляет собой основывающееся на статистике справочное издание, в котором детально описываются многие аспекты японской экономики и географии, транспорта и связи, сельского хозяйства и промышленности, торговли и финансов и т. д., имеющие отношение к ее военной мощи и способности вести наступательные и оборонительные боевые действия. Кроме (как пишет автор) «от времени до времени получавшихся» [23, с. 252] японских и прочих периодических изданий на европейских языках в списке литературы указано около 40 работ на русском (примерно половина) и других европейских языках [23, с. 251–252].

В географическом описании большое внимание уделяется портам и якорным стоянкам, дается оценка судоходности рек и озер, особенности территории страны рассматриваются с точки зрения возможностей ее обороны, например: 1) «Береговая линия Японского моря должна быть признана открытою и плохо защищенною» [23, с. 12]; 2) «Западный берег о. Хоккайдо аналогичен по структуре с главным островом. Его главное уязвимое место порт Отару, являющимся ныне главным центром торговли острова, главные же укрепления сосредоточены в проливе Цугару...» [23, с. 12]; 3) «Токийский залив является важнейшим районом из всей береговой линии восточной Японии, и нужно сказать, что сама природа сделала здесь многое для превращения его в перво-классную крепость...» [23, с. 13]; 4) «Заливы Сагами, Суруга и Овари открыты для проникновения с юга, и находящиеся здесь порты занимают видные места в списке японских гаваней. Оборона их рассчитана, однако, по-видимому, на флот, ибо больших береговых крепостей в этом районе не имеется. Места же для того, чтобы укрыться флоту под защиту береговых орудий, встречаются на каждом шагу. Вход в залив Овари защищен» [23, с. 13].

Роль японской школы в разделе «Японская школа как средство военной подготовки молодежи» [23, с. 59–61] также оценивается в первую очередь с точки зрения военной и идеологической подготовки будущих солдат японской армии. По мнению Д. М. Позднеева, стремясь «сделать из японских граждан самых ярых патриотов, ...японская школа воспитывает в детях три основных начала: 1) любовь к императору, 2) верноподданнические чувства, 3) любовь к родине» [23, с. 60]; основывающаяся на идеях божественного происхождения японского народа, почитания императора и готовности к самопожертвованию «в целях укрепления императорской власти», японская школа является в руках монархического режима эффективным орудием разжигания в народе милитаристских и националистических идей [23, с. 60].

Издание снабжено подробными картами-схемами территории и административного деления Японии, положения Японии в мире и государственных железных дорог, полезных ископаемых

собственно Японии и пожара в Токио 1 сент. 1923 г. К книге прилагаются таблицы японских мер и весов, а также многочисленные диаграммы, показывающие динамику роста населения Японии, добычи в этой стране каменного угля и железной руды, производства чугуна и стали и т. д. В отличие от рассмотренных выше книг Д. М. Позднеева текст книги «Япония. Военно-экономическое описание» тщательно отредактирован, важные места выделены разрядкой¹¹, однако в тексте все же встречаются опечатки, особенно в японских именах собственных (о чем сообщается в предисловии) и некоторые стилистические погрешности, например: 1) «Юра представляет собою крепость, командующую над проливом того же имени» [23, с. 12]; 2) «Кума-гава (25 ри) известна, наряду с Фудзи-гава и Могами-гава, за один из быстрейших потоков Японии» [23, с. 20].

Основная проблема книги состоит в том, что в ней дается масса детальных статистических выкладок по самым далеким от военной сферы отраслям японской экономики (производство спичек, зонтиков, часов, соды, удобрений, зубных щеток, игрушек, сакэ, табачных изделий; разведение шелковичных червей, производство и экспорт чая, птицеводство, соляной промысел, ловля кораллов и т. д. и т. п.) в то время как военной промышленности в седьмой главе отводится только 8 страниц (стр. 150–157), а раздел о вооруженных силах Японии отсутствует вовсе. Тем не менее, написанием этой книги Дмитрий Матвеевич, по всей вероятности, выполнил важный политический заказ Разведывательного управления Штаба РККА¹², и логическим продолжением этого стала его информационно-аналитическая работа в Китае¹³.

Последней работой Д. М. Позднеева по японскому страноведению стала книга «Япония: страна, население, история, политика» [25]. Эта книга была опубликована Государственным военным издательством в 1925 г. в Ленинграде. Она стала новой редакцией и своего рода дополнением к предыдущей публикации. Географический очерк в ней приобрел более мирный характер, хотя и сохранился в некоторых местах прежний военностратегический подход к географии Японии, например: 1) «Заканчивая описание береговой линии Японии, должно упомянуть, что ...она представляет трудности для всякого рода военных операций... Она изобилует бесчисленными естественными препятствиями и, кроме того, сильно укреплена...» [25, с. 17]; 2) «Этот обмен (имеется в виду обмен Южной части о. Сахалин на Курильские острова по Санкт-Петербургскому договору 1975 г. – авторы) был колоссальным и грубым промахом бывшей царской дипломатии, которая дала, таким образом, возможность Японии запереть с востока Охотское море прочным барьером островов и, превратив его, как и Японское, во внутреннее море, лишить Россию

11 Для экономии печатного пространства мы эту разрядку вынуждены игнорировать.

12 По-видимому, для руководителей Разведывательного управления Штаба РККА был важен сам факт выхода книги под названием «Япония. Военно-экономическое описание».

13 Ср. «Доклад Д. М. Позднеева о контрразведывательной работе в Кантоне и Маньчжурии» и «Отчет о шестимесячной поездке по Китаю (в марте-сентябре 1926 г.)», которая была совершена по заданию Разведывательного управления штаба РККА [33, с. 104].

свободы действий в дальневосточных водах, а главное, свободного выхода в океан» [25, с. 47]. В географическом очерке появилось описание флоры и фауны, сюда переместился и раздел «Административное деление». Сельское хозяйство, промышленность, торговля, транспорт и финансы были по-новому скомпонованы в разделе «Экономика». Глава «Население» трансформировалась в «Народ и его быт», и в ней, кроме статистических данных, появились разделы «Характеристика японцев» и «Внешний быт японского народа», в которых Д. М. Позднеев дал свою версию этнокультурных особенностей японского народа и его обыденной жизни. Кроме исторического и экономического очерков, а также описания землетрясения 1923 г., в книге представлены четыре новых раздела – «Культура и религия», «Политическая организация Японии и ее международное положение», «Общественные течения и пресса», а также «Вооруженные силы Японии». В первом даются краткие очерки японского языка, истории японской литературы, развития театра, изобразительного искусства, народного образования, приводятся описания японского дома, сада, костюма, а также духовой жизни японцев; во втором дается характеристика политических институтов и внешней политики Японии с экскурсом в историю российско-японских отношений; в третьем основное внимание уделяется рабочему движению, японской социал-демократии и ее лидерам, положению крестьян и перспективам революции в Японии, здесь же дается краткий обзор возникновения и развития японской прессы, включая левые газеты и журналы; в последнем представлена информация об армии, флоте, авиации, подготовке командного состава вооруженных сил Японии и их боеспособности. В качестве иллюстративного материала к тексту прилагаются 25 фотографий и две карты. Список использованной литературы отсутствует, ссылки на источники делаются эпизодически в тексте и постраничных примечаниях.

Автор неоднократно обращается к теме этнокультурной специфики Японии и формулирует целый ряд интересных суждений, однако ввиду отсутствия строгих правил цитирования авторство не всегда очевидно: 1) «Японский народ искони веков был земледельческим, а при земледельческом строе основною формою общественных организаций неизбежно является семья. Вот почему, когда конфуцианство, создавшее семейный уклад при однородных условиях в Китае, перешло в Японию, оно встретило здесь благодарную почву и было усвоено японцами во всем его объеме. Одинаковая культура риса в Японии и Китае создавала одинаковый общественный уклад, а так как рис требует к себе массы внимания, усердия и срочности работ, то отсюда выработался и тот деспотизм, которым характеризуется семейный строй, как в Китае, так и в Японии. В сущности говоря, всякая отдельная семья со своим рисовым полем являлась отдельной самостоятельной организацией. ...Таким образом, не индивидуум, а семья была раньше общественной единицей Японии. Отдельная личность в дореформенное время не существовала и должна была всегда сообразовывать свои действия и поступки с требованиями семьи и рода, а то и жертвовала для семьи своею жизнью...» [25, с. 73–74]; 2) «В заключение главы нельзя не привести несколько примеров тех контрастов, которыми японская жизнь в мелочах отличается от нашей. Японцы, входя в дом,

обязательно снимают обувь и остаются в одних чулках. Возьмет японец свою книжку и начинает читать ее там, где у нас конец, строчки идут сверху вниз и справа налево... Сядете за японский обед, и вас прежде всего начинают угощать сладостями и вином, не для насыщения, как у нас, а лишь в виде десерта. Оригинально японское обращение с лошадьми. Последние шагают по улицам в специальной обуви. ...Японские бурлаки тянут лодку кормой вперед. Плышет рыбак один в лодке и справляется одним веслом, прикрепленным позади кормы, как руль. Меж тем он им и гребет, и правит. У нас парадные комнаты передние, а в японском доме самые отдаленные. Служанка, не стесняясь, входит в ванну, когда вы купаетесь, и любезно предлагает вам свои услуги помочь вам вытереться... Приказчики в лавках, составляя счет, сначала пишут цифры, а потом к ним прибавляют названия купленных предметов. Шьет японский портной совершенно отлично от нашего: он не нитку вдвигает в ушко иглы, а ушком иглы ловит нитку. ...Это все – мелочи, но только если подумать о них серьезно, то станет ясно, до какой степени основная Япония отличается своей культурой от Европы и насколько трудно для иностранцев ее изучение» [25, с. 83–84]; 3) «Аматерасу, богиня солнца, будет еще почитаться народными массами за таковую, но божественное происхождение императора от сошедшего на землю по радуге предка не может долго удержаться в верованиях развитого народа. Земледельцы могут приносить жертвы и молитвы в часовнях богини Инари, как охранительницы полей, и будут еще умилять ярость бога грома и молнии; матросы и рыбаки будут продолжать поклоняться специальным богам-покровителям, но все эти младенческие верования должны будут в конце концов пасть пред светом распространяющейся в Японии образованности» [25, с. 116–117].

Начав свое знакомство с Японией по работам на английском, французском и немецком языках в последнее десятилетие XIX века и на протяжении трех десятилетий продолжая собирать и систематизировать по разным источникам всевозможные сведения о Японии, Д. М. Позднеев в советскую эпоху, несомненно, стал японоведом европейского уровня и одним из лучших знатоков Японии в России. Последние страноведческие работы Д. М. Позднеева – это своего рода прототип неоднократно издававшегося отделом Японии Института Востоковедения АН СССР информационного сборника «Современная Япония». То, что Д. М. Позднеев написал в двух последних рассмотренных здесь книгах общим объемом более 600 страниц, вполне сопоставимо с вышеуказанным справочником, над составлением, например, второго издания которого (1973 г. 853, стр.) работал 41 автор. Возрос объем, увеличилось количество разделов, но принцип подачи материала остался прежним. Это точные, основывающиеся на факте наблюдения над всеми сторонами жизни японского общества, его истории и культуры, а также среды, в которой это общество обитает.

2. Вопросы изучения русско-японских отношений в книге «Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материке Азии и России» (1909)

Совершенно уникальное место в научном наследии Д. М. Позднеева занимает его труд «Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материке Азии и России» [18; 19; 20; 21]. Состоит он из двух томов. Первый том называется «Данные географические и этнографические». Том второй, состоит из трех частей. В первой части исследуются «Отношения [японцев – *авторы*] к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэсского клана». Вторая и третья части второго тома, называющиеся соответственно «Первые сношения России с Японией» и «Отражение первых сношений России в жизни северной Японии», являются, на наш взгляд, самыми важными. Общий объем сочинения составляет 1226 страниц. Этот факт наглядно свидетельствует о трудолюбии и продуктивности работы автора. Объем статьи не позволяет описать и охарактеризовать в полной мере все части этого исследования, поэтому наше внимание будет сосредоточено на тех из них, которые позволяют понять метод работы и научные взгляды исследователя.

Труд этот задумывался Позднеевым как магистерская диссертация, которая давала бы ученому возможность найти подобающее его статусу место работы в столице России. Однако совершенно очевидно, что тема логически проистекала из актуальных событий эпохи, то есть войны с Японией, поражения в ней России и последовавшего сближения двух стран – в 1907 г. была заключена первая Русско-японская конвенция. Ученый подчеркивал, что «для того, чтобы установить правильное взаимное понимание общих вопросов, каждой из сторон (России и Японии – *авторы*) надлежит в точности знать как факты и обстоятельства дела, так и оценку их другой стороной, ... того, как смотрели японцы в разные времена на свои отношения с Россией. В этом лежит *raison d'être* предпринятого автором исследования» [18, с. II]. Работа Позднеева базируется не на архивных материалах, а только на печатных изданиях. Думается, что такой подход Позднеева был вполне обоснованным. В начале XX века в России не существовало сколько-нибудь последовательного описания, не то, что исследования истории русско-японских отношений. Исключением являлись изданные Куроно Ёсибуми в 1891 г. литографским способом выдержки из сочинения «Гайко сико» (Истории дипломатических отношений), конспект которого хранится в архиве Позднеева [1]. Куроно сосредоточился на таких событиях в истории русско-японских отношений, как экспедиции в Японию Лаксмана, Резанова и Путятина.

Труд Позднеева основывался преимущественно на четырех сочинениях японских авторов¹⁴:

14 Приводится также свод японских источников, относящихся к теме, составленный английским ученым Б. Х. Чемберленом.

«История Хоккайдо в связи с отношениями России и Японии» Окамото Рюноскэ [45], «Карафутто и Камчатка» Мацунага Тёкэн [48], «Краткая история завоевания Тисима и Карафутто» Накамура Дзэнтаро [47], «Большой исторический словарь Японии» [46]. Последний он считал наиболее «объективным» справочником, несмотря на то, что исходным пунктом его воззрений, как и многих других японских книг того времени по истории, являлось «положение о том, что Япония уже с самого момента своего возникновения должна считаться повелительницей всех тех мест, которые она занимает ныне и даже тех, которые еще не занимает» [18, с. XXXI–XXXII]. Такие взгляды проповедовались многими японскими учеными эпохи Токугава, в особенности Школой национальных наук, и были взяты на вооружение идеологами Японии в новое время. Всего же Позднеевым было использовано 20 японских работ, 24 работы на западных языках и 12 на русском.

Характерно, что Позднеев не дает ни точные переводы работ с иностранных языков, ни цитаты из русских источников, а пересказывает их в довольно свободном стиле (причем обычно не очень изящным слогом), время от времени давая в сносках ссылки на источники. При этом часто бывает трудно отделить «цитируемую» часть от слов самого автора. Такой способ обращения с текстами позволял, конечно, сэкономить много усилий и времени, однако его нельзя назвать строго научным¹⁵.

Позднеев всегда придавал первостепенное значение географическим и этнографическим данным, чтобы представить сцену, на которой происходило историческое действие, а также давал этнографические сведения о проживающих там народностях. Так, в первом томе его «Материалов...» ставился вопрос о том, что означает слово «Эдзо» и кого можно считать первыми обитателями Японии. Ссылаясь на труды японских и английских ученых, он пишет, что название «Эдзо» относится к тем, кто не признавал власть японского императора, то есть в определенные исторические периоды граница между «Эдзо» и Японией могла проходить по району, именуемому в настоящее время «Канто», где в XVI–XVII вв. заканчивалась зона власти японского императора. «Эдзо», указывает он, есть определение народа, которое потом стало относиться к территории, на которой он проживал [18, с. 14].

Большое значение для смещения Эдзо к северу имело подавление японцами восстания под руководством Сягусяина в 1669–1671 гг. После этого события народ Эдзо (или айну, что является его самоназванием) пришел в то плачевное состояние, в котором он пребывает в настоящее время (то есть в начале XX в.) – заключает Позднеев. Действительно, японцы, в период Мэйдзи (в 1869 г. было создано Управление колонизации Хоккайдо) проводили усиленную политику ассимиляции

¹⁵ Такой подход к делу объясняет до некоторой степени и критику Е. Спальвиным [31] «Японской исторической хрестоматии» Позднеева [42], написанной в той же манере.

айну, отняли у них все орудия лова и лодки, запретили выходить в море без разрешения, заставляли их заниматься земледелием и питаться в соответствии с японской диетой, что абсолютно не соответствовало традиционному рациону айну, который состоял из мяса морских животных и рыбы. В 1899 г. японское правительство приняло закон, согласно которому айну хоть и назывались «бывшими аборигенами», но были лишены статуса исконных жителей. Фактически земли айну были захвачены японцами, а их самобытная культура и образ жизни оказалась на грани уничтожения.

Рассматривая проблему древних обитателей японских островов, особенно в ее северной части, Позднеев основывался на публикациях известных археологов и этнографов того времени Цубои Сёгоро, Яги Сёсабуро и Тории Рюдзо, которые, по словам Позднеева, поставили ее на вполне научную основу в области сравнительной палеонтологии, археологии и филологии [18, с. 54–55]. Однако вопрос о происхождении айну остается нерешенным по настоящее время.

К началу XX века прошло еще не так много времени с того момента, как о. Хоккайдо, то есть территория, где жили айну, вошел в состав Японской империи. В 1875 г. между Россией и Японией был подписан Петербургский трактат, согласно которому Сахалин (Карафуто), где наряду с другими народностями обитали и айну, отходил к России, а Курильские острова становились японскими владениями. В конце XIX – начале XX вв. среди японских ученых действительно шли оживленные дискуссии на тему древних обитателей северной части страны (как, впрочем, и южной). Тем самым японцы стремились определить древнюю территорию своей страны в принципе с прагматической целью – выявить то пространство, которое могло бы быть подвластно их господству. Позднеев, хотя и показывает свою осведомленность о научном дискурсе, материалы которого публиковались на страницах журналов *Journal of Anthropological Society of Tokyo*, *Transactions of Asiatic Society of Japan* и других, но, очевидно, он не вникал в его суть настолько глубоко, чтобы быть в состоянии разобраться основательно, зато он с гордостью отмечал, что японские ученые при описании айну ссылаются на «Записки» его знаменитого соотечественника капитана В. М. Головнина, которые были переведены на японский язык с голландского.

Не менее важным являлся вопрос о первооткрывателях Курильских островов. Наряду с общепризнанным мнением о том, что их открыл голландец де Фриз в 1634 г., Позднеев приводит гипотезу, согласно которой русский казачий десятник из Якутска Михаил Стадухин открыл Курильские острова, приблизившись к ним со стороны Колымы. Эти данные он почерпнул в работе Х. Сноу [44]. Позднеев отмечает также вклад русского ученого А. Полонского в изучение островов, лежащих к северу от Хоккайдо, и подчеркивает, что его работа [28] была переведена на японский язык послом Японии в России Эномото Такэаки, в архиве которого в Министерстве

иностранных дел Японии он имел возможность ознакомиться с ней.

Позднеев последовательно дает сведения о физической географии, населении, флоре, фауне, климате, вулканической деятельности в этом районе и разбирает названия островов, существовавшие на разных языках, приводя их сводную таблицу. Поскольку в создании названий участвовали представители разных народов и происходило постоянное искажение иностранных слов, приводимая им таблица [18, с. 66] является весьма полезной.

Обсуждая вопрос о том, кем, когда и какие названия были даны островам, которые по-русски называются Курильскими, он отмечает интересный факт: количество островов зависело от того, что именно считалось островом, поэтому само количество островов долгое время колебалось от 22 до 36. Эта постановка вопроса созвучна существующему в настоящее время дискурсу о размерах морской акватории Японии. Известно, что островом считается часть суши, которая не скрывается под водой во время прилива. Чтобы придать как можно большие размеры своим морским владениям, японцы строят специальные железобетонные укрепления вокруг таких небольших островов, как Окиносима, находящемся в Тихом океане [50, с. 190–192].

Интересно, что если русские казаки называли все острова Курилами, а японцы Тисима (Тысяча островов), присваивая каждому острову номер (при этом русские считали с севера, а японцы с юга), то у туземцев общее название отсутствовало, и они именовали каждый остров в отдельности. Основанное на английских и русских работах описание географии, геологии, климата островов и этнографические данные о быте и жизни туземцев в общем не вызывают сомнения.

Однако вопрос об отношениях между туземцами, русскими и японцами является более проблематичным. Как подчеркивал Позднеев, Окамото Рюноскэ рассматривал всю историю северных стран под преследовавшим его «неизменным углом зрения русского хищничества» [18, с. 214] и не мог признать, что, например, Курильские острова некогда «хотя бы номинально принадлежали Китаю, а Японии подвластны никогда не были» [18, с. 216]. Позднеев обвиняет Окамото в запутанности и непоследовательности изложения, но его собственный пересказ на русский язык соответствующего отрывка из сочинения японского ученого не вносит особой ясности. Читателю с трудом удастся составить себе представление о том, что именно хотел сказать Окамото и как его интерпретировал Позднеев. Позволим себе привести один отрывок: «Смотря на Курильские острова с вождением захвата, русские поставили для этой цели *определенный план*, причем в 20-м году правления Кан-эй /1643/ *русский подданный Юсуфу* путешествовал по Камчатке и впервые узнал о существовании этой земли. После этого в третий год правления Сётоку /1713/ и позднее *русские имели постоянное движение взад и вперед на этих островах*. Постепенно они подчинили себе туземцев, пожрали один за другим острова, в годы правления Хорэки 1751–1763 покорили себе острова вплоть до Сямусири, переименовали имена этих

островов, изменили обычаи туземцев, заплели им волосы, ввели ношение шапок, сапогов и крестиков на шеях и миссионеры заставляли подчиняться себе *довольно кроткими приемами*» [18, с. 216].

Перелагая дальнейший текст Позднеева на более понятный русский язык, можно сказать, что из сочинения Окамото Рюноскэ следует, что где-то в 1750–1760-х гг. русские выменивали у местного населения шкуры животных на предметы обихода и пытались привить туземцам некоторые обычаи русской жизни. При этом русские продвинулись сначала до острова Шимушир, а к 1789 г. дошли до Урупа, потеснив, таким образом, японцев в северной части островов.

Далее «цитируются» слова знаменитого путешественника Могами Токунай (1754–1836) о том, что, объезжая Тисимские острова в 1786 г., он встретил на Эторофу русских, которых знал раньше, и угостил их рисом. Могами якобы учинил им допрос, почему они пришли на Эторофу, являющийся японским владением. Они объяснили, что в прошлом году поссорились с другими русскими, убежали в горы, а за это время их корабль ушел. Им ничего не оставалось делать, как перебраться на соседний Эторофу [18, с. 177]. Могами велел русским убраться из японских владений, и они переехали на Уруп. Учитывая, что читатель уже знаком с географией района и расстоянием между островами, переправу с одного острова на другой можно легко представить как осуществленную на лодке типа байдарки.

Подобных описаний, свидетельствующих о неупорядоченности торговли русских и японцев с туземцами и о спорах относительно «зон влияния» на Урупе и Итурупе в сочинении Позднеева имеется довольно много. В целом из них складывается картина, что неофициальная граница между русскими и японцами проходила между островами Уруп и Итуруп и что в этом северном холодном крае шла ожесточенная борьба за выживание и добычу ресурсов.

Казалось, было бы проще ограничиться кратким сводным описанием, которое приводит Сноу, значительно облегчая понимание порядка продвижения русских по Курильским островам, но тогда читателю остались бы неизвестны все перипетии действительной жизни. Вот как тот же процесс описан у Сноу.

В 1711 г. русские впервые совершили нашествие на острова, и в 1736 г. все острова к северу от Эторофу сделались подвластными России. В 1738 г. Шпанберг на трех небольших судах плывал с целью исследования Курильских островов и зимовал на Камчатке. В 1767–1768 гг. было предпринято путешествие по островам для сбора дани мехами, а в 1795 г. Российско-Американская компания учредила свою контору на Урупе. К концу XVIII века японцы упрочились на Итурупе; в 1806 и 1807 гг. русские делали высадки на этом острове (имеются в виду набеги Хвостова и Давыдова). В ноябре 1830 г. Российско-Американская Компания приняла Курильские острова в свое формальное владение. В 1875 г. Курильские острова к северу от Итурупа были переданы Россией Японии в обмен на южную часть Сахалина. В 1884 г. японское правительство

перевело немногочисленных оставшихся Курильских Айну на о. Шикотан, оставив таким образом земли от о. Уруп до о. Шимушир без обитателей [44, с. 2].

В отношении последней фразы Позднеев делает некоторые пояснения. В результате обмена Сахалина на Курильские острова в 1875 г. айны с северного острова Шимушир были переселены японцами на более южный остров Шикотан, что, как указывалось выше, приводило к их повышенной смертности в силу отсутствия привычной пищи [18, с. 112]. В качестве мотивов переселения айну он отмечает стремление японского правительства «отдалить (на случай войны) этот этнографический элемент от русских, поскольку айну не просто сжились с русскими, но даже приняли православие». В это время им якобы оказывали большую помощь японские православные священники из православной миссии в Токио, ряд рапортов которых приводится в книге. Хотя деятельность правительства Японии и отрядов энтузиастов освоения севера типа Гундзи Наритака и Окамото Кансукэ по колонизации Курильских островов хорошо известна, о православных священниках информации в нашем распоряжении меньше, так что эта тема может представлять исследовательский интерес даже в наши дни.

Описание Хоккайдо Позднеев дает по путеводителю того времени, который включает не только географические и этнографические сведения, но и подробно рассказывает о промышленности и транспортных средствах острова. Это свидетельствует о том, что Хоккайдо уже прочно укоренился в сознании японцев. Вопрос об отношениях с Россией в этом разделе не поднимается.

Однако анализ названия Карафуто становится предметом длительного разбора в следующем разделе книги. Как указывает Позднеев, литература о Карафуто отражает стремление японских авторов доказать, что данный остров был изначально владением Японии, а не Китая [18, с. 406–409]. Окамото Рюносукэ утверждал, что слово «Карафуто» непонятно ему по смыслу, а Маэда Мацукагэ считал, что это название происходит от слов *кара* «пустой» и *футой* «толстый», «большой», то есть означает «большое пространство». Тем самым японские ученые, по мнению Позднеева, пытались скрыть тот очевидный факт, что слово «Карафуто» (樺太←唐太←唐人) происходит от названия династии Тан, иероглиф 唐 в написании которой имеет также чтение *кара*, а *футто* 太 есть производное от *фито*→*хито* – 人 «человек». Существовавшая в VII–X вв., эта могущественная династия оказывала влияние на Японию, и оно также доходило до северной Маньчжурии и низовьев Амура. По сведениям Позднеева, Мамия Риндзо писал, что в начальный период управления землями Эдзо домом Мацумаэ люди переправлялись в земли Эдзо через море вместе с даттанцами (жителями Северного Китая, то есть земли, прилегавшей к Татарскому проливу). Они носили странные (то есть отличающиеся от японских) одежды, привозили шелковые ткани, яшму, табачные изделия и обменивали их на меха выдры, лисицы, барсука, оленя. Местные мацумаевские чиновники именовали их «Карахито», другими словами «люди из

Китая». Но слово «Карахито» постепенно стало читаться как «Карафуто» и превратилось в название острова. При этом иероглиф 唐, указывавший на китайское происхождение названия, был заменен иероглифом 樺 (*кара*), со значением «дерево», а точнее – «береза». Поскольку березы там росли в изобилии.

Позднеев видел преувеличенное тщеславие японцев и в том факте, что они присвоили имя Мамия Риндзо Татарскому проливу, считая, что Мамия был первооткрывателем не только пролива, но и острова Сахалина, и реки Амур. Совершенно очевидно, указывает Позднеев, что китайцы были прекрасно знакомы с этой местностью раньше. Вместе с тем европейцы узнали об данном районе именно в результате исследований Мамия, так как составленная им карта была тайно переправлена в Голландию. Вопросу китайского присутствия в Маньчжурии посвящается первая часть второго тома сочинения Позднеева, который мы, однако, здесь опускаем.

С некоторым ехидством Позднеев отмечает, что уже в июле 1905 г. японцы поспешили официально объявить о переименовании Сахалина в Карафуто, думая, что в результате войны к ним отойдет весь остров, и успели даже создать карты с японскими географическими названиями, среди которых было много пунктов, названных в честь героев войны с Россией. Когда в результате Портсмутского мира к Японии отошла только половина острова, возникла путаница с названиями, что, однако, не помешало японцам заняться быстрым освоением южной части острова и в течение месяца построить там небольшую по протяженности железную дорогу.

Далее следует географическое описание Южного Сахалина, основывающееся на «Путеводителе по Карафуто» и «Учебном пособии по географии для младшей школы». Оно содержит описания поверхности острова, морских гаваней и возможностей развития рыбопромышленности здесь в будущем. Отмечается отсутствие каких-либо «систем утилизации леса», хотя сообщается, что шпалы для Маньчжурской и Уссурийской дорог и официальных учреждений в Порт-Артуре и Дальнем были изготовлены именно из сахалинского леса.

Как указывалось выше, вторая часть второго тома содержит изложение собственно истории русско-японских отношений. Оно начинается с рассказа о заходе во времена эры Гэнбун (1736–1740) русских кораблей под началом Шпанберга на японские острова и их благополучном возвращении на Камчатку. Далее следуют хорошо известные всем исследователям русско-японских отношений эпизоды об авантюристе Беньёвском, наветы которого на русских способствовали усилению той подозрительности, с которой японцы относились к своим северным соседям [20, с. 27], а также рассказы о посольствах Адама Лаксмана (1792 г.) и Николая Резанова (1804–1805 гг.). Фактологическая часть этих описаний, вероятно, сообщавшая читателям много нового в те годы, когда писалась книга, не содержит для современных исследователей ничего интересного, и повторять ее не имеет смысла. Остановимся только на некоторых оценках Позднеева, которые, по

его мнению, свидетельствовали о предвзятом отношении японцев к русским. В современной литературе принято оценивать посольство Лаксмана как более удачное по сравнению с последовавшим позднее посольством Резанова. В доказательство обычно приводятся следующие факты: Лаксман смог побывать в трех японских городах (Нэмуру, Хакодатэ и Мацумаэ); он свободно перемещался за пределами жилья, построенного для его команды; его подарки не были отвергнуты японцами. Наконец, Лаксман привез противоречившие друг другу по содержанию Письмо, запрещавшее приход русских в Японию, и Свидетельство, разрешавшее заход русского судна/судов в Нагасаки. Резанов во всех подобных действиях потерпел неудачу.

Кроме того, Лаксман доставил потерпевших кораблекрушение японцев, хотя и не в Эдо, как он того желал, но в Мацумаэ, в котором официальное присутствие иностранцев не допускалось. При этом он избежал какого-либо наказания, и японцы, постоянно ссылаясь на его добрые намерения по возвращению японских подданных, прощали ему незнание японских законов.

Многие ученые считают, что Лаксману в определенной степени удалось исполнить поручения своего правительства. Одни объясняют это личной симпатией, которую японцы якобы испытывали к нему. Так, зимой русские и японцы вместе коротали время, о чем свидетельствуют многочисленные зарисовки, сохранившиеся в Японии. Русские развлекали японцев пением песен и танцами. Они обменивались подарками в виде ножей, вееров, портретов, и эти подарки потом тщательно хранились каждой стороной. На протяжении нескольких десятилетий японцы продолжали дружески вспоминать русского посланника и его товарищей. Другие считают, что в 1790-е гг. наблюдалось некоторое смягчение в отношении японцев к иностранцам, поскольку тогда еще не было «резкого нажима» на Японию со стороны Запада [32]. Свидетельство, разрешавшее заход русского судна/судов в Нагасаки и даже предполагавшее, что «по производстве дальнейших расследований, может быть даже разрешена высадка на берег», трактовалось в России как большой успех посольства.

Современная японская исследовательница русско-японских отношений Икута Митико посвятила целую книгу тому, чтобы показать, насколько обращение с Лаксманом было лучше, чем с Резановым [5]. Особенно она подчеркивает тот факт, что при переговорах каждая сторона следовала ритуалу своей страны.

Что касается Позднеева, он, казалось бы, и не отрицает заслуги экспедиции Адама Лаксмана, однако, в отличие от Икута, постоянно стремится выделить негативные моменты в обращении японцев с русскими. Например, он отмечает, что когда японские чиновники Исигава Сёгэн и Мураками Дайгаку передавали русскому посланнику Письмо и Свидетельство, они сами находились в другой комнате, и передача происходила через старшего вассала. По мнению Позднеева, такой этикет показывает, что они сохранили за собой гораздо более высокое

положение, а русских третировали как лиц, «совершенно неважных» [20, с. 56]. Рассказывая о переезде посольства из Хакодате в Мацумаэ, он подчеркивает, что русских несли в крытых носилках, а кортеж состоял из 600 человек, причем по дороге в Хакодате всюду были выставлены караулы для предотвращения скопления народа, что было выражением отнюдь не почтительности, а скорее боязни русских. Позднеев усматривает особое коварство японцев в том, что кредитные грамоты были возвращены Лаксману, а привезенное русскими письмо было полностью отвергнуто и возвращено под тем предлогом, что оно написано на непонятном для японцев языке. В действительности незадолго до отъезда Лаксман узнал от собственного переводчика, что японцы тайком потребовали и также получили от него исправленный перевод того самого письма, которое было главным документом со стороны российского посольства.

Позднеев считает, что в положительной трактовке миссии Адама Лаксмана была заинтересована лишь «партия» Лаксмана-старшего, тогда как в целом вопрос об установлении отношений с Японией не находил отклика в Российском обществе. Однако биограф Лаксмана-старшего – Лагус – пишет, что получение одного только Свидетельства с разрешением на вход в Нагасаки уже давало право на признание за посольством 1792–1793 гг. большого успеха [13]. По мнению Позднеева, торговля с Японией не вызывала никакого общественного интереса в России, и это дело на том историческом этапе замерло само собой, поскольку наступала эпоха наполеоновских войн, и России было не до Японии. Верное в целом, это утверждение игнорирует тот факт, что глава Российско-Американской компании Григорий Шелехов был определенно заинтересован в торговле с Японией, о чем свидетельствует установление им русского поста на острове Уруп в 1795 г.

Позднеев также постоянно подчеркивает, что под вежливостью японцев скрывалось глубокое недоверие, и оно представляло собой «странную смесь добродушия и лукавства». Неприятное впечатление от возвращения письма японцы старались загладить подарком сотни мешков риса. Приезжих постоянно упрекали в том, что они пристали к берегу наперекор законам государства. Хотя японцы и понимали, что торговля с Россией может принести пользу, но они не могли отказаться от своих вековых предрассудков. Поэтому они даже не позволили Дмитрию Шебалину и другим купцам выставить свой товар [20, с. 55–56].

Ссылаясь на сочинение Мацунага Тёкэн «История Хоккайдо», Позднеев указывает, что японцы преднамеренно отправили русских в Нагасаки, полагая, что в действительности они дойти туда не смогут, поскольку заинтересованы в торговле на севере, а тот факт, что одновременно с запретом посещать Японию выдавалось свидетельство, разрешающее приход в Нагасаки,

показывает, по его мнению, «каков был дух дипломатии Японии того времени» [48, с. 67–68]¹⁶.

Заканчивая раздел об экспедиции Лаксмана, Позднеев отказывает японцам в способности мыслить логически в силу их тенденциозности и подозрительности. Так, по его мнению, Мацунага Тёкэн, приводя высказывание Екатерины II, которая якобы сказала Кодайю: «Я желаю завязать взаимные торговые сношения. И если вы желаете того же, мы можем посылать Вам сколько угодно судов. Однако с нашей стороны особенно настоящего желания торговли нет, а потому вы совершенно можете поступать по своему желанию. Эти мои слова, когда ты возвратишься, передай государю Японии», – делает неверный вывод о том, что установление торговых отношений для России представлялось чрезвычайно желательным, и тем самым искажает сказанное императрицей [48, с. 68]¹⁷. На наш взгляд, совершенно естественно, что отличавшаяся умом и дипломатическим опытом императрица облекла свое мнение в осторожные слова дипломатического языка, и хотя она не преувеличивала желание России торговать с Японией, но все же дала понять, что это возможно. Поэтому тенденциозность толкования слов японского ученого скорее присуща самому Позднееву.

Если Позднеев всегда критически относился к высказываниям и действиям японцев, то он всячески превозносил и оправдывал любое поведение русских. Это особенно хорошо видно из его оценок Николая Резанова, лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова, которым первый приказал совершить нападение на японские владения на Южном Сахалине и острове Итуруп. Как не раз подчеркивал Позднеев, «экспедиции эти имели огромное влияние на судьбу всех последующих отношений Японии к России потому, что тогда как в России память о них вполне исчезла в обществе и истории, в Японии совершенно наоборот они принимались в течение целого столетия за исходный пункт при всяком учете действий русских в отношении к стране» [20, с. 212]. Он считал необходимым выяснить этот весьма запутанный вопрос прежде всего в трех отношениях: 1) об участии в отправлении экспедиций [набегов – *авторы*] русского правительства; 2) о роли в этом событии Резанова; 3) о личностях самих руководителей экспедиций – Хвостове и Давыдове.

Многие японские авторы расценивали эти набеги как военные действия России против Японии. Убедиться в непричастности к ним российского правительства они смогли только после того, как русские представили письменное подтверждение иркутского губернатора Трескина, свидетельствовавшее об официальной позиции России. Последнее произошло во время пленения В. М. Головнина и стараний П. Рикорда совместно с Такатая Кахэй к его освобождению.

Однако такая трактовка давала возможность квалифицировать действия Резанова как основы-

¹⁶ Цит. по: [20, с. 71].

¹⁷ Цит. по: [20, с. 71].

вающиеся на «чувстве мести», возникшем из-за отказа удовлетворить требования России. Как писал Мацунага Тёкэн, «его злоба не могла быть успокоена, и в конце концов нашла отражение [в нападении на северные Эдзоские земли]» [48, с. 38–44]. Дело могло выглядеть и как «чисто пиратский набег», но такая трактовка не устраивала Позднеева, ибо она задевала честь русских.

Следовало учитывать, что Резанов был главой Российско-Американской компании и человеком, состоявшим в близких отношениях с императором Александром I. Поэтому его действиям можно было приписать государственный характер. Позднеев был убежден, что Резанов действовал в интересах Государства Российского, приводя в доказательство его запрос императору на осуществление своего плана. 18 июля 1805 г. он послал императору письмо, в котором объяснял, как при наличии «достойных сотрудников, каковы Хвостов и Давыдов, и помощью которых выстроив суда, пушусь на будущий год к берегам разорить на Мацумаэ селение, вытеснив их из Сахалина и разнести по берегам страх дабы ...скорее принудить их к открытию с нами торга» [32, с. 153–155]¹⁸. Однако ответ из Петербурга долго не следовал, Резанов стал сомневаться в целесообразности набегов на японские фактории и склоняться к отмене операции.

Позднеев характеризует его как человека в высшей степени выдержанного и терпеливого, не допускавшего, чтобы чувства его возобладали над долгом и ответственностью по отношению к стране, которую он представлял. Однако средство осуществления государственных интересов России он видел в «репрессалиях» [20, с. 217]. Позднеев был склонен также оправдывать действия Хвостова и Давыдова, поскольку некоторые японцы возлагали вину за нападения на японские фактории исключительно на них. Это оправдание занимает в работе Позднеева семнадцать страниц, но сводится преимущественно к высокой оценке их человеческих качеств, дисциплинированности и преданности родине. Появившиеся недавно работы О. В. Климовой [11, с. 35–50] позволяют, однако, внести некоторые дополнительные штрихи в картину отношений этих русских моряков. Проанализировав по архивным материалам письма Резанова к Хвостову и Хвостова к Давыдову, Климова показала, что не только сам Резанов несколько раз менял свои инструкции, чему, по всей вероятности, способствовали технические и погодные факторы, как-то неготовность судов, недостаточная скоростная мощность одного из них, и, наконец, короткий сезон навигации, но и Хвостов интерпретировал указания Резанова по-своему. Когда, в конце концов, получив письмо из Петербурга, Резанов все же был вынужден отменить набег, его инструкции Хвостову были весьма двусмысленны. Это позволяет предположить, что в глубине души Резанов не отказался полностью от своей идеи, хотя и стремился переложить ответственность на Хвостова, а тот, в свою очередь, несколько переиначивал полученные инструкции,

18 См. также Приложения к т. II указанной книги [23, с. 19].

передавая их Давыдову. Таким образом, утверждения Позднеева о том, что Хвостов и Давыдов были кристально честными людьми, действовавшими в интересах государства, оказываются несостоятельными. У Резанова присутствовала ущемленная гордость, а Хвостов был чрезмерно честолюбив. Позднеев знать этого не мог – он просто слепо верил в порядочность русских людей. Поэтому в оценке Хвостова и Давыдова, скорее, прав американский ученый Дж. Ленсон, который усматривает в их действиях авантюризм и желание прославиться [43].

В заключение Позднеев пишет о реакции японского общества на набеги Хвостова и Давыдова. Прежде всего он отмечает, что эти события помогли японцам осознать, что северные земли составляют большой и богатый район и ...принадлежат Японии. Общество пришло в крайнее возбуждение, а правительство стало разрабатывать меры по защите указанных районов. Спавшее 200 лет в мире общество проснулось, а вместе с этим пробуждением появился и японский патриотизм, или, говоря современным языком, национализм. Самым худшим следствием набегов стало то, что пробуждение патриотизма произошло на антирусской почве: Россия стала восприниматься как угроза безопасности и самому существованию японского государства. Ирония истории состояла в том, что через 50 лет действия Хвостова и Давыдова были воспроизведены американским коммодором М. Перри. И хотя его появление вызвало не меньший страх и всплеск национализма, демонстрация технических преимуществ Америки в виде «черных кораблей», моделей железной дороги и телеграфа была гораздо убедительнее, чем разбойничьи действия русских моряков. К тому же за прошедшие пятьдесят лет представления японцев об окружающем мире стали адекватнее, и все больше людей понимало, что у «красных варваров» следует учиться.

Итак, труд Д. М. Позднеева «Материалы об истории Северной Японии и ее отношению к материку Азии» стал первым в России систематическим исследованием истории русско-японских отношений. Позднеев практически вводил своих соотечественников в абсолютно новый для них мир Японии, представленный не экзотическими гейшами и свитками с полотнами Хокусая, а холодными северными морями, где обитают косматые айну и упорно трудятся рыбаки. Это сочинение показывало, что на востоке России у нее имеется грозный противник, который много лет готовился к войне с ней, и что с этим мощным соперником стоит поддерживать хорошие отношения. Работа, написанная на основе японских материалов, правда, не всегда удачно поданных по-русски, вызывает уважение не только своим объёмом, но и широтой охваченного материала, и глубиной поставленных проблем.

Вместе с тем следует учитывать, что работы японских ученых, на которых основывалось исследование Позднеева, были созданы либо в канун, либо сразу после русско-японской войны, то есть в то самое время, когда отношения между двумя странами были наиболее напряженными. Поэтому исследованию Позднеева присуща определенная тенденциозность, заключающаяся в

реакции на то, что все взятые им работы представляли его родину в самом черном свете. Как отмечал сам Позднеев, чтение таких работ требовало определенного психологического усилия, невольно вызывая и реакцию отторжения читаемого и потребность защиты России. Думается, что именно поэтому в работе имеются определенные «перекосы» – автор либо чрезмерно увлекается выискиванием тех мест в японских трудах, которые резко критикуют Россию, либо рьяно бросается на защиту своих соотечественников. Сейчас нам хорошо известно, что одни и те же японские авторы наряду с критикой России видели в ней и страну «великой добродетели», представленной прежде всего ее монархами – Петром I и Екатериной II, о которых так увлеченно рассказывали вернувшиеся из России японцы. Пример России занимал далеко не последнее место в стремлении Японии к модернизации. Эта положительная сторона восприятия России полностью отсутствует в книге Позднеева.

Наконец, Позднеев был, пожалуй, первым русским ученым, который обратил внимание на важность изучения взглядов, образов и стереотипов в международных отношениях. Он считал, что «в истории умирают только люди. Идеи же живут веками и передаются из поколения в поколение, не изменяясь по существу, но только варьируясь в зависимости от средств выполнения, которые предлагаются той или другою эпохою» [19, с. V].

Влияние данной работы Позднеева присутствует во всех последующих исследованиях по истории русско-японских отношений, начиная с Э. Я. Файнберг и кончая опубликованным в 2015 г. совместным российско-японским проектом «Российско-японские отношения в формате параллельной истории» [29]. Читать «Материалы...» трудно, особенно те главы, которые посвящены начальным этапам отношений между китайцами, маньчжурами, эдзосцами, японцами, русскими, курильцами и другими народами. Но после неоднократного прочтения и проникновения в текст начинаешь понимать, как много информации содержит эта книга.

Как видим, и в области японского страноведения, и в изучении российско-японских отношений Д. М. Позднеев является во многом недооцененным пионером российского японоведения. Ему удалось ввести в научный оборот большое количество научных текстов и новых проблем. Труды его, несмотря на множество недостатков, обнаруживающихся в них, фундаментальны по охвату фактического материала и энциклопедичны по содержанию. Они оказали большое влияние на российских японоведов следующих поколений.

Список литературы

1. Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. 590. Ед. хр. 88. Лл. 1–34.

2. Алпатов, В. М. Изучение японского языка в России и СССР / В. М. Алпатов. М.: Наука, 1989. 192 с.
3. Дыбовский, А. С. О споре японоведов по поводу «Японской исторической хрестоматии» и его истоках: Е. Г. Спальвин vs Д. М. Позднеев / А. С. Дыбовский, О. П. Еланцева // *Studies in Language and Culture*. 2016. № 42. С. 267–293.
4. Еланцева, О. П. Эвакуация Восточного института в Верхнеудинск (1905 г.): управленческий аспект / О. П. Еланцева, О. А. Трубич // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 2 (46). С. 22–28.
5. Икута, Митико. Гайко гирэй кара мита бакумацу корюси [История японо-российских культурных контактов в период бакумацу с точки зрения дипломатического протокола]. Киото: Минерва Сёбо, 2008. 378 с.
6. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании и действия ее до настоящего времени. Т. I / сост. П. Тихменев. СПб.: Тип. Эдуарда Веймера, 1861. [464] с.
7. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании и действия ее до настоящего времени. Т. II / сост. П. Тихменев. СПб.: Тип. Эдуарда Веймера, 1863. [388] с. [291] с. прил.
8. История создания и совершенствования системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации [Электронный ресурс]. URL: <http://aspirinby.org/index.php?go=Poleznyak&page=4>.
9. Кабанова, Н. Дмитрий Позднеев из семьи Позднеевых // *Азия и Африка сегодня*. 1990. № 12. С. 40–42.
10. Кабанова, Н. Судьба одной семьи // *Азия и Африка сегодня*. 1990. № 2. С. 50–52.
11. Климова, О. В. Подготовка экспедиции Хвостова на Сахалин в 1806 г. Анализ инструкций Резанова – Хвостову и Хвостова – Давыдову // *Елагинские чтения*. Вып. 5. СПб.: Остров, 2011. С. 35–50.
12. Кокуси дайджитэн [Большой исторический словарь Японии]. Токио: Ёсикава кобункан, 1908. 2380 с.
13. Лагус, В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / В. Лагус. СПб., 1890. 488 с.
14. Лещенко, Н. Ф. Опальный профессор // *Российские востоковеды* / сост. Н. Ф. Лещенко. М.: Изд. дом «Муравей», 1998. С. 2–27.
15. Маранджян, К. Г. Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865–1937): к портрету «культурного бродяги» // *Письменные памятники Востока*. 2012. 2 (17). С. 281–303.
16. Михайлова, Ю. «Познать Японию чрезвычайно сложно» – Дмитрий Позднеев о Японии и

- русско-японских отношениях // Известия Восточного института. Владивосток, 2010. № 16. С. 26–41.
17. Позднеев, Д. М. Заметки об изучении Китая в Лондоне и Париже // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Октябрь. С. 285–335.
 18. Позднеев, Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к матерiku Азии и России. Т. I: Данные географические и этнографические / Д. М. Позднеев. Иокохама: Тип. Ж. Глюк, 1909. [2], LVI, 521, [6] с.
 19. Позднеев, Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к матерiku Азии и России. Т. II, ч. 1: Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаасского клана / Д. М. Позднеев. Токио: Тоооо Инсацу Кабусики каися, 1909. [2], IV, 178, [II] с.
 20. Позднеев, Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к матерiku Азии и России. Т. II, ч. 2: Первые сношения с Россией в жизни Северной Японии / Д. М. Позднеев. Иокохама: Тип. Ж. Глюк, 1909. [2], XII, 307 с.
 21. Позднеев, Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к матерiku Азии и России. Т. II, ч. 3: Отражение первых сношений с Россией в жизни Северной Японии / Д. М. Позднеев. Токио: Тоооо Инсацу Кабусики каися, 1909. 4, 307 с.
 22. Позднеев, Д. М. Япония. Ее экономическое положение и торгово-промышленные отношения к России: [докл. Торгово-Промышленному Съезду в Нижнем Новгороде в 1896 г.]. Нижний Новгород, 1896. 72 с. и схем. (Всерос. торг.-пром. Съезд. Нижний Новгород; 1896); тот же текст: Настоящее и будущее Японии по взглядам европейской литературы / Дмитрия Позднеева. Спб.: Типография В. Киршбаума, 1896. 72 с.
 23. Позднеев, Д. М. Япония: военно-экономическое описание. М.: Изд. Развед. упр. штаба РККА, 1924. V+268 с., диагр.
 24. Позднеев, Д. М. Япония. Общий очерк страны: лекции, читанные на 1-м курсе Практической Восточной Академии при Императорском обществе востоковедов в 1911 г. СПб., 1911. [2], 191 с., литогр.
 25. Позднеев, Д. М. Япония: страна, население, история, политика / под ред. А. А. Иорданского. М.: Воениздат, 1925. 351 с.: [25 фото]; ил.; 2 карты.
 26. Позднеев, Д. М. Японская историческая хрестоматия. Ч. 1, отд. I и II: Текст в Ромаѝ, перевод и слова к Начальной Истории Японии. Токио: Тэйкоку Инсацу Кабусики Кайся [Изд. О-ва Востоковедения], 1906. XII, 297 с.
 27. Позднеев, Д. М. Японо-русский иероглифический словарь: (по ключ. системе) = Ro-yaku Kan-Wa Jiten. Токио: Тэйкоку Инсацу Кабусики Каися, 1908. CXXVII; 1194; 7 с.
 28. Полонский, А. Курилы // Записки императорского Русского географического общества по

- отделению этнографии. СПб., 1871. Т. IV.
29. Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. А. В. Торкунова, М. Иокибэ. М.: МГИМО, 2015. 1001 с.
 30. Современная Япония: справочное издание. Изд. 2-е. М.: Наука. Главное издательство восточной литературы, 1973. 853 с.
 31. Спальвин, Е. Г. К характеристике трудов и направления г. Димитрия Позднеева в области японоведения. Критический разбор «Японской исторической хрестоматии» (Ч. I, отд. I и II) / Е. Г. Спальвин. Владивосток: Типо-литогр. Вост. Ин-та, 1908. 8, 8, II с. (Известия Восточного Института; т. XXIII, вып. 3).
 32. Толстогузов, С. А. [Рецензия]. // *Japanese Slavic and East European Studies* Vol. 30. 2009. С. 129–134. Рец. на кн.: Икута Митико. Гайко гирэй кара мита бакумацу корюси [История японо-российских культурных контактов в период бакумацу с точки зрения дипломатического протокола. Киото: Минерва Сёбо, 2008]
 33. Усов, В. Н. Неизвестные страницы биографии профессора Д. М. Позднеева // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2005. № 5. С. 102–117.
 34. Ученая и литературная деятельность Д. М. Позднеева. Петроград, 1914. С. 1–26. (Отдельный отт. из т. III «Материалы по истории факультета вост. языков»).
 35. Файнберг, Э. Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. / Э. Я. Файнберг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 314 с.
 36. Хохлов, А. Н. Восточный институт во Владивостоке до и после русско-японской войны и вклад Д. М. Позднеева в российское японоведение // *Гуманитарные исследования*. 2000. № 4. С. 203–239.
 37. Хохлов, А. Н. Дмитрий Позднеев: последний год службы в Пекине и возвращение в Россию в 1904 г.: (по архивным данным и материалам личной переписки) // *Гуманитарные исследования*. 2001. № 5. С. 251–260.
 38. Хохлов, А. Н. Петербургское японоведение с середины 50-х гг. XIX в. до октября 1917 г. // Елисеев и мировое японоведение. М.: Ассоциация японоведов, 2002. С. 197–241.
 39. Хохлов, А. Н. Российское японоведение до 1917 г.: труды Д. М. Позднеева в оценке его коллег-современников // *Вестник Международного центра азиатских исследований*. М.; Иркутск, 2001. № 6. С. 50–82.
 40. Шулатов, Я. А. Разведка и востоковеды: становление осведомительной службы на Востоке и тематические задания для Е. Д. Поливанова и Н. И. Конрада // *История и культура традиционной Японии*. 3 / отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: РГГУ, 2010. С. 317–335. (*Orientalia et classica*. Тр. Ин-та вост. Культур и античности; вып. XXXII).

41. Япония: географически-статистический очерк / Дмитрия Позднеева. Владивосток: Тип. Икаев и К°, 1906. [2], VI, 154 с. (Изв. Вост. Ин-та; 8-й год изд. 1906/1907 акад. г.; т. XVI).
42. Японская историческая хрестоматия. Ч. I, кн. 1, отд. I и II: Текст в Romaji, перевод и слова к «Начальной истории Японии». Токио: Изд. О-ва востоковедения, 1906. XII; 297 с.
43. Lensen, G. A. The Russian Push toward Japan: Russo-Japanese relations, 1697–1875 / G. A. Lensen. New Jersey: Princeton University Press, 1959. 390 p.
44. Snow, H. J. Notes on the Kuril Islands / H. J. Snow. London, 1897. 116 p.
45. 岡本柳之助『日魯交渉北海道史稿』上・下. Окамото Рю:носукэ. Нитиро ко:сё: Хоккайдо: сико: [Очерки по истории Хоккайдо в связи с отношениями России и Японии. Т. 1–2]. Токио, 1898. Яп.
46. 『國史大辭典』. Кокуси дайджитэн [Большой исторический словарь Японии]. Токио: Ёсикава кобункан, 1908. Яп.
47. 中村善太郎『千島樺太侵略史』. Накамура Дзэнтаро. Тисима Карафутто синряку си [История набегов на Курилы и Сахалин]. Токио, 1904. Яп.
48. 松永聴劍編『樺太及勘察加』東京: 博文館 1905. Мацунага Тё:кэн. Карафутто оёби Камучакка [Сахалин и Камчатка]. Токио: Хакубункан, 1905. Яп.
49. 安本隆子「ドミトリー・マトヴェヴィッチ・ボズドネエフ『露訳漢和字典』についての一考察」/『国際関係学部年報』第25集. Ясумото Такако. [Размышления над русско-японским словарем Д. М. Позднеева // Ежегодник факультета международных отношений] 2004. С. 107–116]. Яп.
50. 山本皓一知『しらなきゃバイ国境問題: 尖閣・竹島・北方領土: マンガ』. Ямамото Ко: ити. Сиранака ябай коккё: мондай: Сэнкаку, Такэсима, Хоппо: рё: до: Манга [Не знать про территориальные проблемы опасно: острова Сэнкаку, Такэсима, Северные территории: комикс. Токио]: TrendPRO, 2013. Яп.